

Филологические науки

УДК 81

Художественная конкретизация образа «фурри»

Алина Федоровна Арнаутова

Пятигорский государственный лингвистический университет, Российская Федерация
357532 г. Пятигорск, ул. 295 Стрелковой дивизии
Аспирант
E-mail: arnautovaalina@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена изложению концепции образа «фурри». В основе параметризации образа «фурри» заложено описание этнокультурной специфики его семантической структуры и особенностей вербализации в дискурсивных границах [1]. Исследование зооморфии как образного наименования предпринято в исследованиях E. Gredel [2], Е.В. Метельской [3] и других авторов. Изучаемый образ фиксирует когнитивное образование молодежной субкультуры с позиции антропоцентризма. Коммуникативное и языковое моделирование образа получает верификацию на аутентичном материале разноструктурных языков с учетом лингвистической и экстралингвистической информации.

Ключевые слова: образ; зооморфизм; дискурс; контекст; аллюзия.

Введение. В настоящее время научная проблема зооморфии как образного наименования актуальна в рамках лингвокультурологии, психолингвистики, этнолингвистики и когнитологии. Образ как единица категоризации оказывает влияние на все сферы человеческого существования. Рабочим определением образа «фурри» мы будем считать когнитивное образование, отражающее представление человека с зооморфной идентификацией в рамках молодежной субкультуры.

Материалы и методы. Материалом исследования выступают контекстные употребления лексемы «фурри» в художественном дискурсе. Методами исследования являются контекстуальный, интерпретационный и компаративный анализ данной лексемы в источниках для выявления коммуникативно-функционального потенциала образа в художественном тексте.

Обсуждение. Явление зооморфии расширяет языковой диапазон номинации объектов действительности. При сопоставительном анализе этой категории в разноструктурных языках выявляется национально-культурная специфика и функциональная природа подобных единиц. Термин «образ» в гуманитарной парадигме соотносится с нормативностью, смысловыми и ассоциативными связями образных средств в языке писателя (А.А. Буров, А.А. Ворожбитова, В.В. Переяшкин, R. Kraemer, E. Olshtain, C. Sporleder, A. van den Bosch) [1, 4, 5, 6, 7, 8]. Наше исследование посвящено изучению вербального образа «фурри». С целью выявить лингвокультурологические аспекты антропоцентрической стратегии художественного образа заявленной тематики мы проанализировали выделенные из произведений участников субкультуры примеры контекстов, которые выступают носителями антропоморфного начала. Понятие «образ фурри» получает в нем различные трактовки.

Всех персонажей в нем можно разделить на три категории: 1) антропоморфные протагонисты (на первый план повествования выходят герои с гуманоидной культурой); 2) зооморфные образы (герои – разумные животные или звероподобные создания); 3) второстепенные персонажи-фурри.

Рассмотрим данный образ на примере романа «Snow Storm» Н. Myraias. Композиционно роман строится как своеобразный сценарий детективной компьютерной игры. Ценностным мерилем жизни выступает, по утверждению автора, способ освоения игры. В целом, дискурс игры утверждает жизнеподобность на основе зооморфных трансформаций этнокультурного импликационала: герой-индивидуалист, оружие и мастерское им владение, соединение животных и человеческих черт, соблюдение закона при

определении меры наказания. Целевой аудиторией проанализированного романа является молодежь, поэтому для него характерны: романтизация и эстетизация сражения, внимание к табуированным темам, использование культурного кода популярной в фэндоме онлайн-игры «The Elder Scrolls», кинематографичность сюжета. Концентрация сюжета приводит к фрагментаризации изображаемого от фантастического ужаса до повседневной жизни. Создавая антропоморфный образ «фурри», автор воспользовался культурным алгоритмом социолекта фэндомы.

Герой Дрифт, наделенный ником-зоонимом (самоедская собака), вместе с друзьями отправляется на поиски разгадки убийства. В сфере номинации у каждого персонажа свой ник (имя) и, соответственно, речевой портрет. Образ «фурри» предстает перед читателем благодаря совокупности внешних индивидуальных особенностей (*fur, tail, hooves, narrow canine muzzle, desert dog-man, foxish face*), к сфере внутреннего отнесены следующие выражения (*the hound huffed, the leopard-man shook himself to throw off that train of thought, leaned down to nuzzle Alexis' forehead*).

Общим является ритуал приветствия – прощания, а также совместная трапеза, напоминающая совместные трапезы рыцарей Круглого стола с непременным атрибутом – рассказом героя о своих приключениях: «*Rocking back in his chair, Drift threw his hands up on either side of his face, eyes wide and jaw slack in a comical display of shock that got the whole table laughing, and then picked up his tankard of ale and gulped down the last few swallows. Wiping his mouth and lolling his tongue in a canine laugh, he continued, "And that's how I got my best reaction to taur form"*. He nodded to Misha across the table. "Your turn» [Myraias, 2012, p. 31]. Откинувшись назад, Дрифт подпер лицо руками, распахнул комически широко глаза и рот, передавая впечатление от шока, заставив всех рассмеяться, затем поднес кружку с элем ко рту и осушил до дна. Облизнув губы и высунув язык в собачьей улыбке, он продолжил: «Вот такой была моя реакция на преимущество формы тавра». Он кивнул, сидящему напротив, Мише: «Твоя очередь» (перевод наш).

В рассказе Дрифта происходящее напоминает игру, в частности, возможность трансформации в форму быка, что приносит в роман авантюрное начало.

Друзья Дрифта принадлежат к игровой элите и по сюжету относятся к клану светлых даэдров, лорд-даэдр Агемнос относится к клану темных сил. В романе, как и в игре, разработана типология масок: светлых и темных. У каждой маски свой игровой план, отраженный в зооморфизмах. Например, самоедская собака Дрифт: оборотничество (способность принимать форму тавра), честность, верность друзьям и неоконнотации (способность заглушать страх алкоголем, желание иметь семью, умение сражаться как животное и человек). Его невеста Алекс обладает следующими характеристиками: нежная, верная, преданная, любящая и беспощадная к врагам Дрифта.

Друзья Дрифта сохраняют этноконнотации своих имен, так леопардочеловек Ксавье душит свой платочек, напоминая об изысканности французов (например, Арамиса в «Трех мушкетерах» А.Дюма), баран Вольфрам (1757, from German *Wolfram, wolform* "iron tungstate" (1562), of obscure etymology. It looks like "wolf-cream" (from *rahm* "cream"), but the second element might be Middle High German *ram* (German *Rahm*) "dirty mark, soot;" if so, perhaps "so called in sign of contempt because it was regarded of lesser value than tin and caused a considerable loss of tin during the smelting process in the furnace" . Or perhaps the word is originally a personal name, "wolf-raven.") [9] ненавидит вегетарианскую еду: «*Wolfram looked up from his plate of food, a pie made from turnips and potatoes and beets, as deep as a hand is wide. Jurmas the inkeeper had created it specifically for patrons who couldn't eat meat*» [10] Вольфрам глянул на тарелку с едой: пирог из репы с картошкой и свеклой до нижней прослойки. Держатель трактира, Юрмас, создал это блюдо специально для постояльцев-вегетарианцев (перевод наш).

Характерной чертой речевой характеристики персонажей является создание лексико-фразеологических мостиков, перекидываемых от одного сюжетного блока к другому: самоедская собака Дрифт любит сражения и превращения, даэдра Алексастра трансформирует ногу в лапу ястреба, чтобы избежать смерти: «*Drift was a keg of dragon dust waiting for a spark*» [10]. Дрифт был пороховой бочкой, готовой взорваться подобно дракону (перевод наш).

«*She wasn't quite fast enough, and a massive paw slapped down on her ankle. Black claws snagged on her boot, and the jolt of it jarred the crossbow out of her hand. To her frustration, it*

bounced just out of reach. He dragged her back, preparing to bite her in half, but she grabbed one of the tunnel braces to counter. Seizing the moment, she rolled onto her back, shapeshifted her free foot into a hawk's talons, and raked it down the wolf's paw. The talons didn't draw blood through the beast's thick fur, but they hurt and he let go with a yelp» [10]. Ей не хватило проворства, и массивная лапа схватила ее за лодыжку. Черные когти разорвали ее сапог, их скользящий удар прошел возле руки. Невозможность освободиться от захвата, пока они царапали верх и низ щиколотки, вызывала ужас. Он толкал ее в спину, готовясь перекусить надвое, но она схватила один из тоннельных тросов и ударила его вслепую. Улучив момент, она перекатилась на спину, трансформировала свободную ногу в лапу ястреба и вонзила когти в лапу волка. Когти не пронзили толстую шкуру животного, но поранили, и он выпустил ее, взыв (перевод наш).

Среди бродячих масок-персонажей можно назвать: писателя-крысу Чарльза, полицейского-собаку на деревянной ноге Байрона, хозяина трактира Юрмаса и других. Основные художественные приемы создания образа: мистификация, травестия и аллюзия.

В качестве репрезентативного образца русского аналога образа «фурри» мы анализируем произведение «В сторону от фурри-кошмаров» Д. Уиндоу, ориентированное на российскую аудиторию.

В фокусе группировки зооморфизмов романа находится определенная предметно-тематическая сфера фёрри-тауна, которая подчинена метафоре мобильности. Дискурсивное поле романа формируется определенной концептуальной схемой, ядром которой выступают устойчивые ментальные образования – субкультуры, которые управляют образами мобильности. Изображаемый в романе фёрри-таун – это сложная динамичная система, в которой движение передается потоком семиотических структур: транспорт, система коммуникаций, поток фарриков, поток фурри-сознания: «Вход в furrutown обозначала гигантская арка из двух могучих башен, залитых стеклопластиком. Между ними протянулся многоярусный витиеватый мост. Левую башню венчала скульптура человека с распротёртыми руками, будто он намеревался объять весь мир сразу. На верхушке правой высилась статуя фёрри, в чьем облике соединились белышья, лисья и кошачья черты. Статуя, скрестив когтистые лапы, мрачно смотрела вниз, на тех, кто целыми днями сновал между двумя мирами на территории одного города. В башнях располагались многочисленные комитеты по делам взаимодействия людей и фёрриков. За аркой проглядывала древняя девятиэтажная «китайская стена», изгибами опоясавшая микрорайон. Небоскрёбы делового центра остались в стороне. Далеко внизу перемигивались фонари жилых кварталов. Прямо по курсу чернели две главные башни фёрри-тауна» [11].

Таким образом, формируется зооморфная самоидентификация героев: «В ближайшем вагоне собралась весьма разношерстная публика. Два зайца в высоких цилиндрах, лиса, наряженная цыганкой, неопределимого типа субъекты с длинными узкими носами, напоминавшими комариные хоботки. Слоновый хобот тут тоже имелся. Устроившись на задней площадке, дабы не загромождать проход, и привалившись к окну, слон удивительной полосатой раскраски считывал последние новости, держа верхними ногами комп, а хоботом тыкая в нужные участки экрана. Суетились белки. Лисята, пробовали втроем уместиться на сиденье, которого и двоим не хватало. Переговаривались квочки, и петух, по-боевому распушив хвост, оглядывал вагон, выискивая напрашивающихся на неприятности» [11].

Метафора мобильности-трансформации обычных людей в «фурри» приравнивается к моральному и физическому прогрессу, а статика к культурной отсталости: «Благодаря улучшенной приспособленности к среде обитания, особи новой формации постепенно заполнили рынок малоквалифицированной рабочей силы. Единицы сумели проникнуть и на следующие ступени общества. *Официальное название «особи новой формации» заменили более коротким «furry», означавшим существо, сочетающее в облике черты человека и зверя.* Особого внимания заслужили те, в ком проявились составляющие компьютерных и мультипликационных героев. Представители новой формации вели себя, как обычные люди, хотя людьми, в смысле этого слова, являться перестали» [11].

Противостояние людей и фёрри осуществляется посредством дискриминационного дискурса: «Появление нового вида не привело к кардинальному изменению мира. Границы продолжали существовать, национальности тоже. В силе остались общий гражданский кодекс и уголовная ответственность. Однако имела место негласная

рекомендация не принимать особой новой формации в правоохранительные органы и органы административной власти. Люди чувствовали опасность, исходящую от существ нового вида, и, как могли, перекрывали им путь наверх» [11].

Таким образом, фурри относятся к категории малодостойных людей, противостоящих традиционным ценностям.

Зооморфные образы представлены в виде визуального ряда: «Постепенно пустынные улочки сменились многолюдными проспектами. *Прошёл гиппотам, потряхивая пластиковым пакетом*, откуда свешивались перья зелёного лука. Появились лама-дочь и лама-мама. У дочурки из ранца высывалась *Донателла – пушистая подруга Барби*. А на оранжевом комбинезоне сверкал значок с Покемонами. Топот маленьких копытцев приглушали носки из нервущегося целлофана – отличительного знака местных нефоров. Прошествовали зебры. Невозможно описать, сколько изящества являла эта пританцовывающая походка на двух ногах. Передние копыта по-модному были окрашены ярко алым лаком. Пышные розовые чёлки взметались и опали. На людей копытные внимания не обратили, им требовались мальчики посolidнее. Мимо, попыхивая сигареткой, прошёл *высокий мэн* в стильном плаще. *Пушистые патрульные* продолжали безуспешные поиски незваных гостей» [11]. Приведенный пример фиксирует мобильный дискурс ферри-движения. Автор подчеркивает обыденность происходящего, опираясь на общеизвестные реалии (подруга Барби) и общемолодежный сленг «нефор» – представитель неформального движения. Заимствование из английского языка «мэн» маркирует необычность внешнего облика для фёрри-тауна. Мы можем отнести эту текстовую часть к утилитарному дискурсу, под которым вслед за С.В.Лихачевым понимаем: «полилог, в качестве действия которого выступаю вербальные и невербальные коммуникативные ходы, где до появления части текста на этническом языке существует создание артефакта (улицы, здания, полки, вещи)» [12]. Своеобразие улиц фёрри-тауна подчеркнута вывесками, указателями, табличками. Приведем примеры: «Слева на гигантском штопоре сиял и медленно вращался зелёный чешуйчатый дракончик, над которым мигала надпись «*Змей Горлыныч*». Забегаловка была рассчитана на средний класс, как людей, так и фёрриков. Окно над крыльцом закрывала огромная вывеска, с которой улыбалась *нека мышиноного типа*. Ушки бодро топорщились над рыжими волнами волос. Голубой глаз весело подмигивал. Верхние выпуклости прикрывала фривольного вида маечка. Нижние прятались под белой полоской, сквозь которую прорвался подрагивающий хвостик, выгнувшийся наподобие только что народившегося месяца. – Улица имени *Курта Кабана*, – вездесущий Шреддер озвучил надпись» [11].

Гастрономический облик города рождается из названий заведений общественного питания, кулинаронимов и зооморфизмов: « – Что будем заказывать, господа? – у столика как по мановению волшебной палочки появилась *пушистая официантка в образе пышной розовой скунси с белыми щёчками, гребнем, грудкой и полосками на хвосте*. Кружку, только чисто вымытую, – потребовал Койот, – и пол-литровую канистрочку "Красного Востока". – Меся – консерватор? – фыркнула официантка. – Допустим, – сказал Койот, не вдаваясь в подробности» [11].

Номинации точек общественного питания этноспецифичны и отражают российский менталитет: «Змей Горлыныч», «Пиволёт». Среди названий напитков, которые пьют герои пиво «Балтика» и «Красный восток».

Особым лингвокультурным элементом выступает название наркотика «фэрри», который делают из представителей сообщества: « – А почему ёжики? – поинтересовался Рэм. – Чем скунсы хуже? – Особенности организма, – пояснил Алекс. – Лучше всего *фэрри* получается из крысиных или свиноподобных. Но те, прознав это, живут сплочёнными отрядами. А ёжики почему-то получают одиночками по натуре. Все вспомнили кадры хроники, когда патруль накрыл подпольную ферму, выращивающую на убой молодых ёжиков. И как дельцы ловко открутились от ответственности, доказав, что человеческому суду нет дела до *фёрриков* » [11]. Приведенный фрагмент является аллюзией на ситуацию с органами для пересадки и символическим признанием в том, что субкультура «фурри» притягивает людей, как наркотик.

Амбивалентность образов проявляется в травестировании ритуалом. Подтверждением этому могут служить примеры стилистического контраста образа зайца: «Морда весёлого субъекта покоилась на столешнице, залитой пивными лужами, и делала постоянные

попытки оторваться от неё. Изредка эти попытки заканчивались благополучно. Но уже секунд через десять лязганье челюсти знаменовало новую стыковку неунывающей морды с нерушимой плоскостью. Увидев, что его заметили, бурый заяц предпринял отчаянную попытку принять вертикальное положение. Зубы, покрытые жёлтым налётом, скрежетали друг о друга, но голова никак не желала отрываться от столешницы. Компаньоны с удовольствием наблюдали за бесплатным представлением. Наконец, заяц устал. – Господа, – взмолился он, – по независящим от меня причинам я не могу принять любезнейшее приглашение присоединиться к вашей компании, даже если таковое восполсе... вопосле... воспоследует, – он устало выдохнул... Глаза зайца начали затуманиваться. Серёга не любил халявщиков. – Пить – здоровью вредить! – заявил он, отхлебывая пиво из литровой кружки. – Скоро я отключусь, – пообещал заяц, пропустивший мимо ушей предупреждения местного Минздрава. – Но мы успеваем заключить договор, долженствующий беспрепятственно пропустить вас на ту сторону» [11]. Заяц соответствует антропоморфному образу пьяного интеллигента, на это указывают следующие признаки: желание помочь ближнему, обращение «господа» и книжное слово «воспоследует». Если в английской лингвокультуре *Mad Hare* (Мартовский заяц) из «Алисы в стране Чудес» Л. Кэролла истово соблюдает чайную церемонию, не успевая вымыть чашки, то в русской лингвокультуре косо́й беспробудно пьёт горькую.

Контрастирует с данным образом длинноухий горожанин-семьянин, пытающийся вразумить нарушителей общественного спокойствия: «Над головой распахнулась створка окна. Из темноты высунулась разгневанная заячья морда. – Пошли прочь! – отчаянно завизжал длинноухий и вылил на голову Алекса полкастриули капустной отжимки. – Гопота недорезанная! Два района менял! Три раза переезжал! Так нет же!!! Опять ни минуты покоя! Шландыба проклятая! Ужо я вас! Бесстрашный заяц высунулся чуть не по пояс. Шерсть дыбилась в ярости. Потрёпанная майка колыхалась на сердито вздымающейся груди. Левая лапа грозила кулаком» [11]. Перед нами пример конфликтного дискурса между рядовым членом общества и «гопотой» (людьми дна). Свойственная русскому менталитету беспечность также отражена в образе одного из персонажей романа: «Я, – потупив глазки, скромно признался парень, – *скунс обыкновенный, южнорусский*. По жизни занимаюсь тем же, чем всегда – бью баклуши и скрываю от окружающих людей свой чудный пушистый хвост, дабы они не заподозрили, что я скунс и не смотались от меня подальше» [11].

В образе неки маркирована антропоморфность девушки и кошки: «Первым делом в глаза бросался водопад волос цвета спелого лимона. Из пышной причёски выглядывали *кошачьи уши*. В левом красовалась золотая лира. Из правого на цепочке спускалась модель крохотного мотоцикла. Во всём, кроме ушей, бесцеремонная особа являла собой обычную девушку лет восемнадцати. Волосы опали на розовую изящную куртку, перехваченную в талии густо проклёпанным ремнём. Уверенно расставленные ноги были плотно обтянуты чёрной поблёскивающей материей с серебряными искорками. То ли лёгкие брючки, то ли плотные колготки. Ступни покоились в шипастых сапожках на ультрамодно изогнутом каблучке» [11]. Лексику портрета неки составляют два ряда слов: первый (представлен лексемами ноги, волосы) принадлежит лексико-семантической группе «внешность человека», второй же маркирует антропозооморфную природу персонажа словосочетанием: кошачьи уши. Цветовые словосочетания (лимонный, золотой) создают цветообраз, соответствующий традиционной семантике символа. В дальнейшем, образ неки Анны получает развитие (она защищает свое достоинство) и завершается превращением в современную Джульетту: «– Я не из девочек, – в голосе Анны зазвучало негодование. – Я – нека. Надеюсь, тебе известно, что из-за ушей люди держат нас за фёрриков, поспешно закрывая двери престижных работ. А фёррики нек презирают. Считают, что те продались людям и обликом, и душой. А уши – это так, чтобы беспрепятственно шастать по фёрритауну. Поэтому у нек, когда они подрастут, лишь два выхода. Или раздвигать ноги, или в посудомойку» [11].

Расовое и этническое выделение персонажей используется автором для акцентуации всемирности происходящего в фурри-тауне: «Привет, детка, – заботливо склонилась над ней *зайчиха с мехом странного, коричневатого оттенка, словно кожа индейцев Южной Америки*. – Я – Бетси, а вот её можешь звать Джолли. Повернув голову, Дениза рассмотрела стройную *молодую медведицу с короткой блондинистой причёской* поверх основной растительности. Зайчиха же могла похвастать иссиня-чёрными кудрями» [11]. Медведица

представляет европеоидный расовый тип, в то время как зайчиха вызывает у читателя ассоциации с американской ветвью монголоидной расы.

Авторские номинации передают этноконнотации языковой картины мира ферри-тауна. Интересны зарисовки эпизодических персонажей как элементов различных культурных кодов мегаполиса: «В конце моста одиноко сторбилась горилла в затёртых джинсах и косухе. Могучие лапы, сжав баллончик с распылителем, выписывали на старинных стенах лозунг в защиту антиглобалистов» [11]. Представлены в фурри-тауне и панки: «Волосы у вороны, как ни странно, тоже имелись. Высокий панковский гребень на чисто выбритой голове. Зато крыльями ворона похвастаться не могла. Впрочем, зачем ей были крылья, когда длиннющие руки свисали чуть ли не до земли. Раскидав ошмётки сырого песка, знаком "Извилистая дорога" пролёг змеиный хвостик. Ноги были почти человеческими, если не обращать внимания на трёхпалость. За овальными впадинами глаз бушевало оранжевое пламя» [11].

Заключение. Языковое сознание англоязычных носителей субкультуры создает особое номинационное пространство при помощи образного содержания антропозооморфизмов: *the leopard-man, desert dog-man, e.t.c.*. Визуальный ряд внешних, вкусовых, батальных и ритуальных характеристик персонажей создает перцептивный фундамент образа «фурри» в английской лингвокультуре. Когнитивная составляющая образа «фурри» представлена выражениями: *canine laugh, taur form, shapeshifted her free foot into a hawk's talons, a keg of dragon dust*. Перечисленные антропозооморфизмы создают положительную эмотивную окраску изучаемого образа, акцентируя внимание на его амбивалентных чертах.

Для исследования идеологического наполнения антропоморфного образа «фурри» в русском языковом сознании, мы обратились к контекстуальному анализу данной леммы в романе. В тексте активно используются контекстуальные синонимы: фарри, фары, фаррочки, фарник, скороварник, пушистик, пушисточка. Перцептивными характеристиками образа выступают тактильные, вкусовые, визуальные признаки: пушистые патрульные, горилла в затёртых джинсах и косухе, слон удивительной полосатой раскраски считывал последние новости, тыкая хоботом в нужные участки экрана. Когнитивное содержание образа репрезентируют мужчины и женщины: высокий мэн, лиса, наряженная цыганкой, нека мышиноного типа.

Таблица 1

Количественные характеристики употребления антропозооморфизмов в романах

Словоформы	Количество словоупотреблений	Словоформы	Количество словоупотреблений
Пушистик	350	Furry	300
Пушисточка	300	leopard-man	250
Ферри	270	samoyed	180
Фарри	200	she-bat	150
Скороварник	182	jackal-man	123
Мохнурик	124	dog-man	60
Хвостатый	90	hound	50
Зверушка	60	fluffy	40
Блохастый	40	vulpine	30

Частотность словоформ позволяет констатировать преобладание персонифицирующих признаков в когнитивном наполнении русского образа «фурри». Информационно-понятийные признаки зафиксированы в английском аналоге этого образа. Типолого-ориентированной чертой речи персонажей является корреляция с возрастными, образовательными, профессиональными, игровыми параметрами, то есть с социальной ролью. Таким образом, зоонимическая лексика в дискурсе проанализированных романов референциально соотносится с двумя видами характеристик – животных и человека: нека Анна, фаррочка Пандора, зайчиха Бетси, медведица Джолли, что позволяет выявить семантическую структуру образа «фурри». Проведенный анализ показал, что образ «фурри»

синтезирует социальные, нравственные, культурные понятия и характеризуется амбивалентностью в контексте обеих лингвокультур.

Примечания:

1. Ворожбитова А.А. Комплексное исследование дискурсивных процессов в российском социокультурно-образовательном пространстве XIX–XXI вв.: программные установки лингвориторической парадигмы // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2012. № 1 (19). С. 182–185.
2. Gredel E. *Diskursdynamiken Metaphorische Muster zum Diskursobjekt Virus*. Berlin: Gruyter Mouton. 2013. 360 S.
3. Метельская Е.В. Образ человека в английской и русской субстандартной лингвокультурах (на материале зоонимов английского и русского языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск: ПГЛУ. 2012. 236 с.
4. Буров А.А. Мифологический компонент пространства речевой номинации в художественном тексте. Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск: ПГЛУ. 2012. Вып. 1. С. 74-77.
5. Переяшкин В.В. Особенности художественной конкретизации в южном тексте. Разноуровневые черты языковых и речевых явлений. 2010. Вып.21. С. 102-105.
6. Kraemer R., Olshstein E. Perceived ethnolinguistic vitality and language attitudes. *The Israeli setting, journal of Multilingual and Multi-cultural Development*, 2012. Vol.10(3). P. 197-212.
7. *Language Technology for Cultural Heritage*. Ed.by Caroline Sporleder, Antal van den Bosch, Kalliopi Zervanou. Tilburg School for Humanities Springer. Heidelberg: Tilburg University, 2012. 167 p.
8. *Semantics: An International Handbook of Contemporary Research*. Berlin: Walter de Gruyter, 2011. 639 p.
9. Shipley J.T. *The Origins of English Words: a discursive dictionary of Indo-European roots*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1984. 636 p.
10. Myraias H. *Snow Storm*. New York: Sofawolf press. 2011. 250 p.
11. Уиндоу Д. Шаг в сторону от фурри-кошмаров. (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.dark-window.ru/books/romany/shag-v-storonu-ot-furry-coshmarov> (дата обращения 25.01.2012).
12. Лихачев С.В. Утилитарный дискурс в антропогенном пространстве коммуникации. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Москва. 2013. 38 с.

UDC 81

Artistic Concretization of Furry Image

Alina F. Arnautova

Pyatigorsk State Linguistic University, Russian Federation
295 Strelkovoy Divizyi Str., 4, bl. 406 357532
Post-graduate student
E-mail: arnautovaalina@rambler.ru

Abstract. The article presents lexical representation of “furry” image for considering ethnocultural specificity of its semantic structure. The semantic essence of the term “furry image” is discussed and detailed interpretations of the term as well as possible cognitive and pragmatic spheres of its application are suggested. A critical analysis of furry image as autonomous cognitive formation is explored on the basis of human zoomorphic identity.

Keywords: image; zoomorphism; discourse; context; allusion.